

Серьга выскользнула из её руки, и Чу Фэнцин быстро протянул руку, чтобы поймать её. Он догадался, о чём она думает, и объяснил:

— Когда я была маленькой, то видела, как другим прокалывают уши, и было так много крови, что я испугалась и не позволила матушке сделать мне это. Позже, когда я подросла, то видела, как все носят серьги, а у меня их не было, и я стала им завидовать.

Служанка рассмеялась и сказала: Разве может юная госпожа из благородной семьи быть с непроколотыми ушами?

— Старая госпожа и впрямь вас любит. В детстве я тоже очень боялась, плакала и закатывала истерики, но взрослым было всё равно, и они просто прокололи мне уши иглой.

Говоря это, она вздрогнула, словно представив какую-то ужасающую сцену.

Они говорили то и дело. Чу Фэнцину не нужны были украшения, так что он быстро закончил одеваться. Служанка подняла на него взгляд и не могла не сказать:

— Госпожа, вы воистину прекрасны.

«Она» была в лунно-белом платье, без всякого макияжа, и лишь простая жемчужная шпилька в волосах. Она стояла там, словно лотос, поднимающийся из воды, восставший из грязи, но не запятнанный, омытый чистой водой, но не кокетливый, стоящий прямо и чистый — тот, кем можно восхищаться издали, но нельзя играть.

Такой неземной и не от мира сего.

Чу Фэнцин слегка улыбнулся, и когда он уходил, Управляющий Мо спросил его, не нужно ли послать с ним нескольких служанок, но он отказался, сославшись на то, что не любит, когда за ним следуют посторонние. Он собирался встретиться с подчинёнными своего старшего брата, и чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше, чтобы избежать лишних неприятностей.

Управляющий Мо не настаивал и лишь выделил ему кучера. На этот раз Чу Фэнцин согласился, и местом, куда он хотел отправиться, была чайная.

Подчинённый его старшего брата изначально хотел найти уединённое место для безопасности, но Чу Фэнцин считал, что чем оживлённее место, тем безопаснее. Более того, с его нынешним положением встречаться наедине было неуместно, поэтому место встречи назначили в чайной.

В чайной был рассказчик. Он рассказывал историю, разбрызгивая слюну, а люди внизу слушали с большим интересом.

Чу Фэнцин, выходя, надел вуаль, чтобы не создавать лишних проблем. Он тихо вошёл в чайную. Женщин в чайной было немного, поэтому, как только он вошёл, то привлёк много внимания.

Чу Фэнцин слегка нахмурился. Он не привык к ощущению, что на него смотрят. К счастью, слуга был очень внимателен и тут же подошёл к нему. Расспросив дорогу, он проводил его в кабинет на втором этаже.

В кабинете уже кто-то ждал. Как только слуга ушёл, человек в бамбуковой шляпе немедленно опустился на колени и сказал:

— Приветствую Второго молодого господина.

Чу Фэнцин:

— Дядя Чжан, не нужно быть таким церемонным. Скорее вставайте.

Чжан Чжан снял бамбуковую шляпу, открыв бородатое лицо. Увидев наряд Чу Фэнцина, в его глазах промелькнула печаль, и он сказал:

— Второй молодой господин, вы настрадались.

Он уже получил известие, что второй молодой господин выходит замуж как подмена вместо юной госпожи. Слышать это было одно, а видеть — совсем другое. Он не мог представить, как красивый второй молодой господин мог выйти замуж как женщина.

Чу Фэнцин тоже снял вуаль и сказал:

— Садитесь и расскажите, что вы узнали.

Чжан Чжан:

— Да.

С этими словами он сел и налил чашку чая для Чу Фэнцина. Когда он передавал чай, то посмотрел на Чу Фэнцина и, увидев слабый след на его подбородке, явно отпечаток пальца, его лицо помрачнело, он крепко сжал руки, и чашка в его руке мгновенно разбилась на куски.

Чу Фэнцин родился с великим достоинством. Он вырос на ладонях дядюшек, тётушек, родителей и старшего брата. Он смотрел, как тот рос, от маленького ребёнка до такого большого. Чу Фэнцин был слаб в детстве, и все думали, что он не выживет. Однако, какими бы трудными ни были испытания, даже когда божественный лекарь сказал, что он не выживет,

ему удалось продержаться. А теперь...

С ним должен играть проклятый евнух!

Чжан Чжан не мог этого вынести. Он не мог вымолвить ни слова из того, что должен был сказать. Он глубоко вздохнул, отбросил осколки и сказал:

— Фэнцин, если ты всё ещё зовёшь меня Дядей Чжаном, то не ввязывайся больше в этот беспорядок. Отправляйся в Цзяннань прямо сейчас к своей матери, а затем скройтесь и уйдите туда, где вас никто не знает.

Чу Фэнцин: «.....»

Чжан Чжан продолжил:

— Что касается твоего отца, твоего старшего брата и нас — тебе не нужно тревожиться об этом.

Чу Фэнцин сначала не понимал, что происходит, пока не заметил, что его глаза прикованы к его подбородку. Тогда он внезапно осознал.

Он стиснул зубы и выругался в душе: «Пёс Цзи».

Чу Фэнцин открыл рот, чтобы объяснить, но, подняв глаза, увидел печальные глаза Чжан Чжана и замолчал, потому что чувствовал: что бы он сейчас ни сказал, это будет бесполезно. Они уже решили, что над ним издевался Цзи Юйцзинь. Если бы он стал объяснять, Дядя Чжан, возможно, подумал бы, что он его утешает.

Но это и правда так. У Цзи Юйцзиня очень дурная репутация во внешнем мире, и никто не верит, что он оставит его в покое. Он пробыл в поместье Цзи уже столько дней, и люди снаружи, вероятно, ждали, когда вынесут его тело.

В конце концов, император, Управляющий Мо и даже принцы так думают, так что Дядя Чжан, чувствующий то же самое, ничем не отличается.

Чу Фэнцин потёр лоб и сказал:

— Дядя Чжан, не тревожьтесь пока об этом. Надо мной не издевались. Скажите мне сначала, что случилось с моим старшим братом. Почему он исчез?

Чжан Чжан крепко поджал губы и через некоторое время снова вздохнул:

— Ай.

Он и впрямь кое-что разузнал, но не знал, следует ли говорить об этом Чу Фэнцину.

Чу Фэнцин пристально посмотрел на него и нахмурился, видя, что тот долго не говорит:

— В чём дело?

Он посмотрел на смущённое выражение лица Дяди Чжана, и внезапно в его голове мелькнула догадка:

— Это дело связано с Цзи Юйцзинем?

Тело Дяди Чжана напряглось. Чу Фэнцин всегда был умён, он мог догадаться в такой короткий миг. Однако... теперь, когда второй молодой господин отдал себя Цзи Юйцзиню, а потом вдруг слышит, что Цзи Юйцзинь — виновник всего этого, как он сможет это вынести? Разве это не овца, идущая в пасть тигра? Разве он не отдаёт себя в руки врага?

В ясных глазах Чу Фэнцина появился проблеск чувства, и молчание Дяди Чжана подтвердило его догадку.

Он поджал губы и спокойно сказал:

— Дядя Чжан, прошу, расскажите подробно.

Чжан Чжан стиснул зубы, мгновение колебался, а затем встретил спокойный взгляд Чу Фэнцина. Он слегка опешил. Он прожил столько лет, но всё ещё не был так спокоен, как восемнадцатилетний. Наконец он сказал:

— Генерал Чу стоял в Лянчэне. Лянчэн — это граница между татарами и нашей династией Мин. Стоит Лянчэну пасть — татары в мгновение ока смогут атаковать Центральные равнины.

— Поэтому это место всегда было пограничной крепостью, и время от времени там вспыхивали небольшие стычки. Но всего лишь в прошлом месяце татары внезапно собрали войска и начали массированную атаку на Лянчэн. Война пришла внезапно, но мы всё же доложили об этом деле двору в тот же день. В Лянчэне ограничены и войска, и продовольствие. Мы держались полмесяца, но не получили ни подкрепления, ни провианта. Люди и солдаты в городе страдали так, что почти дошли до людоедства.

— Позже, когда Генерал больше не мог ждать, он запросил войска и провизию у близлежащих городов, но каким-то образом наши послания так и не дошли. В конце концов, не в силах больше терпеть, он возглавил ночной рейд против татар, чтобы захватить их припасы.

— Похоже, татары это предвидели и давно устроили ловушку. Генерал попал в засаду и едва не был схвачен. С трудом сбежав, он был загнан в пустыню. Это был сезон песчаных бурь в пустыне, и стояла кромешная тьма. Генерал просто исчез вот так.

Оба замолчали. В пустыне не было ни воды, ни еды, и он был ранен. Это был смертельный конец. Независимо от того, были ли за ним преследователи, с большой вероятностью он не смог бы выбраться.

Глаза Чжан Чжана налились кровью, и он продолжил после паузы:

— Подкрепление наконец прибыло уже после того, как Генерал исчез. Татарская армия была измотана нами за полмесяца и уже не была так сильна, как прежде. Как только подкрепление прибыло, они были разбиты. Но я не мог с этим смириться. Только из-за задержки во времени Генерал... Я искал Генерала и одновременно расследовал это дело. После расследования я обнаружил, что солдаты, посланные нами за подкреплением, погибли в пути, и все были убиты стрелами. На каждой стреле стоял знак Сичана. Это просто было сделано кем-то со злым умыслом, кто просто хотел загнать всех людей в Лянчэне насмерть!

Чу Фэнцин молчал мгновение, а Чжан Чжан продолжил:

— Я знаю, ты можешь подозревать, что это подстава. Я тоже так думал поначалу, но знаешь что? Ещё когда татары напали, военный доклад, который мы подали двору с просьбой о подкреплении, был отправлен Цзи Юйцзиню. Подкрепление прибыло сразу же, как исчез Генерал. Это слишком большое совпадение.

— И ещё, с характером Цзи Юйцзиня, кого он когда-либо боялся? От кого он когда-либо прятался? Разве он не убивал всегда открыто? Так что знак Сичана был просто тем, что Цзи Юйцзинь не потрудился убрать.

Говоря это, Чжан Чжан достал сломанную стрелу. Чу Фэнцин потёр хвост стрелы и обнаружил, что там и впрямь был выгравирован знак. Этот знак, без сомнения, принадлежал Сичану.

— Итак... — Чжан Чжан поджал губы и с некоторым трудом произнёс: — Фэнцин, тебе не нужно тревожиться об этом. Отправляйся в Цзяннань сейчас же.

Чу Фэнцин достал платок и помедлил. Под платком было вышито маленькое «Цзи». Это был тот самый платок, что он подобрал с пола вчера.

Он сегодня спешил выйти и даже взял платок с собой.

Чу Фэнцин убрал платок и положил сломанную стрелу в рукав.

— Дядя Чжан, я расследую это дело. Если Цзи Юйцзинь и впрямь стоит за этим...

Говоря, он помедлил, его глаза опустились, и длинные ресницы полностью скрыли выражение в его глазах. Через некоторое время он спокойно сказал:

— Я определённо взыщу этот долг.

Его голос был очень мягким, когда он произносил это, но пугал до глубины души.

Чжан Чжан:

— Что касается Господина... вновь назначенный глава Ведомства налогов и сборов — Ли Лу, отец Ли Юя, главы Цзиньвэя, который в хороших отношениях с Сичаном. Ли Юй также друг детства Цзи Юйцзиня.

Чжан Чжан не сказал этого прямо, но он уже дал ему понять, что Цзи Юйцзинь может стоять за делом его отца.

Чу Фэнцин закрыл глаза и сказал:

— Самое срочное сейчас — вызволить моего отца. Я уже был в тюрьме однажды и нарисовал карту её топографии.

Он достал из рукава лист бумаги и сказал:

— Но в тот день я смог добраться только до этих мест, так что карта неполная. Я хотел подождать ещё немного, но теперь, похоже, за этим стоят люди, желающие смерти семье Чу. Поэтому, Дядя Чжан, я отдаю карту вам. После того как запомните её, сожгите. Если будет действительно невозможно отменить приговор, мне придётся побеспокоить вас и ваших братьев.

У Чу Фэнцина с детства была фотографическая память. Стоило ему увидеть что-то однажды, и он мог скопировать это в точности. Его мать часто говорила, что его чрезмерная мудрость приведёт к беде, поэтому он так слаб.

Чжан Чжан взглянул на топографическую карту и обеспокоенно спросил:

— А как же вы?

Чу Фэнцин:

— Не беспокойтесь обо мне, у меня есть свой способ сбежать.

Чжан Чжан осторожно убрал карту и сказал:

— Хорошо, мои братья и я пока будем в столице, только дайте приказ.

Чу Фэнцин:

— Эн.

Хотя Чжан Чжан был так уверен, что это Цзи Юйцзинь, у Чу Фэнцина всё ещё оставались сомнения. Если Цзи Юйцзинь просто хотел должность главы Ведомства налогов и сборов, не было нужды делать это.

Теперь, когда император стар, неизбежна борьба принцев за власть. Неудивительно, что его отец стал мишенью, потому что он верен только императору. Но, насколько он понимал, Цзи Юйцзинь не зависел ни от одного принца, и ему не нужна была должность главы Ведомства налогов и сборов.

Если только он тайно не привязан к кому-то, о ком он не знает, или... он сам хочет этого положения.

У Чу Фэнцина болела голова. Столичный город был подобен корням столетнего дерева — извилистым и переплетённым. Разобраться в этих связях за короткое время было трудно.

Мысли его были спутаны. Он набрал немного чая пальцами и нарисовал на столе схему связей. Чжан Чжан ничего не говорил, и в комнате стало тихо.

По мере того как в комнате становилось тише, голос рассказчика становился всё отчётливее.

Чу Фэнцин сначала не придавал этому значения, но вдруг стол был залит чаем. Он поднял взгляд и увидел, что Чжан Чжан раздавил ещё одну чашку. Он посмотрел на него в замешательстве, взгляд Чжана Чжана был очень странным.

Но в следующий миг он понял причину всего этого.

Рассказчик:

— Поговорим о нелепой брачной ночи, когда Третья юная госпожа из рода Чу вышла замуж в поместье Цзи. Слышен был лишь звук разрываемой одежды в комнате, и Третья юная госпожа Чу закричала во весь голос: «Дерзко!»...

Чу Фэнцин: «.....»

В чайной кто-то на самом деле рассказывал о его брачной ночи с Цзи Юйцзинем!!

Он на самом деле слушал свой собственный интим¹ в чайной вместе с дядей, который смотрел, как он рос!

¹Интим — относится к интимным отношениям.

«Бах», третья чашка была раздавлена Чжан Чжаном, и осколки стекла разлетелись повсюду.

Как и Чу Фэнцин, он готов был взорваться!

Чу Фэнцин закрыл глаза и успокоился. Он изо всех сил старался сделать свой голос спокойным:

— Дядя Чжан, мне нужно, чтобы вы помогли мне проверить кое-что.

Глаза Чжан Чжана сверкнули, когда он услышал это.

— Хорошо, я разужнаю как можно скорее.

— Эн. — Чу Фэнцин сказал, надевая вуаль: — Дядя Чжан, я уйожу первым.

Он не хотел оставаться здесь ни на мгновение.

Чжан Чжан проводил его с выражением горя на лице, и Чу Фэнцин вдруг понял, что они с Цзи Юйцзинем никогда не смогут разорвать свои узы в этой жизни.

—————

На другой стороне Цзи Юйцзинь скакал на коне, направляясь к югу.

Во время перерыва у него было мрачное лицо. Видя это, все держались от него подальше, боясь навлечь на себя беду. Однако были и те, кто не понимал его взгляда, как, например, Ли Юй.

Ли Юй улыбнулся и подошёл к Цзи Юйцзиню:

— Глава, что с тобой? Ты недоволен своей супружеской жизнью?

Он просто шутил как обычно, но не ожидал, что тело Цзи Юйцзиня напряглось, как только он

это сказал.

Улыбка Ли Юя мгновенно исчезла, и он посмотрел на него в ужасе:

— Ты, ты, ты, только не говори мне, что я угадал?

Он не хочет этого знать, потому что знание этого приведёт к прерыванию его рода.

Цзи Юйцзинь лениво поднял веки и сказал:

— Проваливай.

— Хорошо! — Ли Юй жаждал убраться отсюда. Он кубарем откатился на другую сторону и затем сказал своим людям: — Не связывайтесь с этим парнем сегодня! Иначе даже я не смогу вас защитить!

Какая ужасная вещь — быть неудовлетворённым! Особенно когда этот человек — евнух, он не может встать, даже если захочет. Ц-ц, даже думать об этом жалко. К счастью, у него нет жены. Тьфу! Он не евнух. Он может встать, когда захочет. Почему у него нет жены?

Несколько дней пролетели в мгновение ока.

Цзи Юйцзинь, казалось, был в отъезде по делам все эти дни, и Чу Фэнцин оставался в поместье Цзи один несколько дней.

Изначально он хотел пойти в тюрьму, но тюрьма была сильно укреплена, и стража узнавала только жетоны. Даже с этим статусом он не мог войти.

Наконец, однажды днём Цзи Юйцзинь вернулся.

Красная одежда превратилась в кровавую.

Ли Юй, который всегда улыбался, на этот раз стал холоден и с тревогой вызвал императорских лекарей.

Цзи Юйцзинь был серьёзно ранен на этот раз. Его ударили мечом в плечо. Будь удар чуть ближе или с немного большей силой, половина его плеча была бы отсечена.

Все смотрели на рану, хмурясь, но Цзи Юйцзинь казался относительно спокойным. На его лице не было особой боли, но его ярко-красные губы побледнели, а брови, всё время приподнятые, опустились. Он выглядел немного недовольным.

Чу Фэнцин, из своего лекарского инстинкта, естественно, пошёл вперёд, чтобы осмотреть рану. Но прежде чем его рука коснулась раны, она была схвачена большой ладонью. Сила этого человека была не такой, как прежде. Цзи Юйцзинь взглянул на него, слегка оттолкнул, и его голос был гораздо слабее:

— Чего ты лезешь в это веселье? Иди в другую комнату отдыхать. Что хорошего в этой кровавленной плоти? Ещё напугаешься.

Глаза Чу Фэнцина сверкнули удивлением. Видя его таким, Цзи Юйцзинь неправильно понял. Он улыбнулся и небрежно сказал:

— Не волнуйся, это всего лишь лёгкая рана. Я не умру.

Императорские лекари прибыли очень быстро и сняли с Цзи Юйцзиня одежду, как только пришли, но Цзи Юйцзинь ждал, пока Чу Фэнцин уйдёт, прежде чем обнажить рану.

Рана от меча была очень тяжёлой, с плотью и кровью, сочащимися с обеих сторон. Кровь текла по половине тела. Обычный человек не смог бы вытерпеть. Даже глава Императорского медицинского управления покачал головой, увидев это.

Ли Юй стиснул зубы и сказал:

— Цзи Юйцзинь, твой дядя. Это всего лишь лёгкая рана? Ты предпочтёшь страдать, лишь бы сохранить лицо.

Чу Фэнцин стоял за дверью, глядя, как слуги выносят таз за тазом кровавой воды.

Он закрыл глаза. Цзи Юйцзинь боялся, что он испугается?

Он плотнее закутался в лисью меховую накидку. Управляющий Мо говорил ему, что эта накидка сделана из редкого белого лиса, добытого самим Цзи Юйцзинем, но Цзи Юйцзинь передал её ему, словно это не представляло никакой ценности.

Чу Фэнцин на мгновение задумался и понял, что он и впрямь не может разгадать Цзи Юйцзиня. Этот человек был странным.

Через некоторое время он услышал, как два императорских лекаря спорят в комнате.

Рана Цзи Юйцзиня была большой и глубокой, с обнажённой костью, что делало естественное заживление маловероятным. Однако оба понятия не имели, что делать, если она не заживёт сама.

Императорские лекари предложили наложение швов. Однако все только слышали об этой технике наложения швов, но никогда не практиковали её, так что никто не знал, как это сделать.

Чу Фэнцин вздохнул. Он знал технику наложения швов.

Однако, если он раскроет свои медицинские навыки перед всеми, даже если сможет объяснить это как обучение у других, это всё равно вызовет ненужные подозрения, что было неразумным шагом.

Но... он помнил, что только что сказал Цзи Юйцзинь. Более того, лекарь должен быть сострадательным...

Спустя долгое время в комнате всё ещё не пришли к заключению. Цзи Юйцзинь начал терять терпение:

— Неважно. Лечите как должно. Вам не придётся отвечать, даже если я умру.

Все: «.....»

Но это стоит нам жизни!

Как раз когда все молчали, раздался холодный голос. Чу Фэнцин посмотрел на Цзи Юйцзиня спокойным взглядом и сказал:

— Позвольте мне сделать это.

<http://bllate.org/book/17231/1614902>